

НИК ПЕРУМОВ

НЕБО

ВАЛИНОРА.

АДАМАНТ ХЕННЫ

КОЛЬЦО ТЬМЫ

Небо Валинора

Ник Перумов

**Небо Валинора. Книга
первая. Адамант Хенны**

«Феникс»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Небо Валинора. Книга первая. Адамант Хенны / Н. Перумов —
«Феникс», 2019 — (Небо Валинора)

ISBN 978-5-222-35386-8

Спустя триста лет после Войны за Кольцо и десять лет после нашествия Олмера Великого в Средиземье вновь разгорается война. Война ради войны, кровь ради крови, армии выдвигаются одна за другой, все ополчаются против всех. Хоббит Фолко Брендибэк – один из немногих, кто чувствует в этом отголосок грядущего конца мира. И он единственный, кто связывает новую войну с загадочным Светом, воссиявшим на юге. Никто пока ещё не знает, ни что представляет собой этот Свет, ни кто направляет его, ни откуда он взялся. Фолко и его друзьям-гномам и предстоит это выяснить, чтобы предотвратить наступление Последней Битвы. В общую картину вносят своё и маги скрытого Срединного Княжества, и воин Санделло, владеющий древним мечом, и девять Назгулов, и даже загадочный Синий Туман. И в конце, как во всех историях о Средиземье, окажется, что дорога привела Фолко вовсе не туда, куда он рассчитывал, когда ступил на неё... Новая версия романа 1995 года с названием «Адамант Хенны»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-35386-8

© Перумов Н., 2019
© Феникс, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Интерлюдия 1.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ник Перумов

Небо Валинора. Книга первая. Адамант Хенны

*Сноп огня в кулаке эта жизнь нажила,
Возжелавшая боли и брани,
И горят вдалеке полевые костры,
И остры алмазны грани.*

Пролог

*Где-то на берегах Минхириата,
начало лета 1722 года по летоисчислению Хоббитании*

Человек лежал на спине, лежал в мелкой воде, где песчаный пляж лениво лизали языки прибоя. Волны набегали на тело, толкали в плечо, словно забияки: уходи отсюда, уходи, ты не наш, тебе место на суше!

Грудь лежавшего медленно вздымалась и опускалась, тело – сухое и жилистое – облепляли мокрые холщовые рубаха и порты. Ноги босы, пояса нет. Лицо – бледное, со впалыми щеками и твёрдым, решительным подбородком – от уха до уха заросло седой бородой, хотя человек отнюдь не выглядел стариком.

Он лежал в прибое и дышал – хрипло, с присвистом. Глаза оставались закрыты.

Откуда он тут взялся – выплыл сам? Но места вокруг пустынные, доставшийся племени ховраров Минхириат – да и более южный Энедвейт – до сих пор заселены скудно и редко. Скорее всего, свалился за борт с проходящего корабля – они-то здесь плавают довольно часто, направляясь из Серых Гаваней к устью Андуина и дальше на юг, в ближний Харад.

Свалился за борт и каким-то чудом добрался до берега, да, не иначе. Не сам же Оссе его сюда вынес!

Наконец лежавший зашевелился. Медленно перевернулся, оперся на локти, откашлялся трудно и сипло. Кое-как поднялся, пошатываясь, повернулся к морю.

Гладь спокойна, плывут вдалеке облачка. В Минхириате начало лета, благодатное время. Далеко ещё до сезона бурь, а весенние грозы только недавно отгремели. Чиста водная гладь, чиста небесная лазурь, лишь мелькают над волнами чайки да у самого берега плещется какая-то рыба мелочь.

Человек глядел на море, по-прежнему тяжело дыша. В глазах застыло недоумение, словно он не мог понять, каким образом тут очутился и кто такой он сам.

Внезапно ясный горизонт искривился – море тяжело вздохнуло и взбугрилось гигантской прозрачно-зелёной волной. Человек, оцепенев, смотрел, как от берега отхлынула вода, как навстречу ему, не торопясь, катится пронизанная солнцем толща, увенчанная плюмажем белой пены, словно воин в полном облачении. Ветер начал стремительно крепчать, серые гроззовые облака возникали в зените словно из ниоткуда.

Человек попятился, затем, спотыкаясь, побежал и остановился, только вскарабкавшись на невысокий, поросший травой прибрежный откос.

Оглянулся – но море, потеряв его, словно потеряло к нему всякий интерес. Водяная стена, надвигавшаяся на землю, расточилась так же внезапно, как и возникла, и набежала

на берег обычной шипучей волной. Ураганный ветер утих, сменившись обычным бризом, и солнце как ни в чём не бывало пускало по воде ослепительные блики.

Человек наморщил лоб, потряс головой, словно силясь понять, не привиделось ли ему это всё – и, наконец, раздражённо махнув рукой, побрёл прочь от моря, туда, где вилась едва заметная тропка.

Цитадель Олмера, июнь 1732 года, десять лет спустя

Тьма катилась с востока, с востока, с востока. Вечер вступал в свои права, по всей Цитадели вспыхивали огни. За десять лет, что минули со времён падения Олмера Великого, тут многое изменилось. Пролегли дороги, встали городки, разбежались от них мелкие деревеньки. Лихой народ по-прежнему обретался в этих краях, но набеги сделались редкостью. Не на кого тут стало особенно нападать – истерлинги, как и множество иных племён, поменьше, ушли на запад, да так и осели там, на новых землях, захватив немалую добычу.

Горбун Санделло, правая рука Олмера Великого, сидел у огня в молчании. Из дикого камня сложено подобие очага – на свежем воздухе, как он привык, подле его одинокого и пустого дома. Чёрные одежды, скрип кожаных ремней, привычная тяжесть доспеха. На коленях – слегка изогнутый воронёный меч-симитар с расширенным концом, вдоль обуха тянется ряд колец, продетых в отверстия, что пробиты прямо в стали.

Рука, сухая и морщинистая, стискивала нечто, висящее на шее горбуна, на прочной стальной цепочке. Глаза Санделло были закрыты плотно-плотно, вокруг них собрались многочисленные морщины. Казалось, он вообще не дышит.

Пальцы, обхватившие загадочное нечто, слегка подрагивали.

Наконец горбун с шипением выдохнул, с явным усилием разжал пальцы. Осторожно снял цепочку – на ладонь ему легло кольцо тусклого жёлтого металла.

– Ты не обманываешь? – скрипучим шёпотом проговорил он, глядя на кольцо так, словно ожидал ответа.

Жёлтый ободок лежал на его руке, недвижимый, мёртвый.

Горбун ниже нагнул голову, тяжело задышал.

– Будь ты проклят, если обманул, – прошипел он. – *Globalatub lat, urkat!*

Кольцо, конечно же, ничего не ответило.

Однако сам Санделло, поднявшись, решительно повесил цепочку обратно на шею и зашагал к коновязи.

Часть первая

Глава 1

Хорнбург, Роханская марка, 12 июня 1732 года

Что может быть лучше дороги домой? Предвкушения отдыха и долгожданного веселья? Что может быть прекраснее снежных громад Мглистого хребта, поднимающихся по левую руку, и закованных во льды пиков Белых Гор – по правую?

Ты выдержал, ты выжил, и не просто выжил – ты победил!

Привольные степи, что остались позади, щедро политы кровью. Там кипели жестокие схватки – дунландцы и хазги не сдавались и не бежали, и принуждали держаться ховраров, которые в иное время были бы не прочь встать под твёрдую руку молодого короля Эодрейда.

Но теперь всё позади, и войско вставало на отдых в Хелмском ущелье. Всего два года минуло, как Рохан вернулся сюда: молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфолде ховраров.

Штурм тогда был тяжёлым, страшным, кровавым; ховрары знали, что пощады не будет, и отбивались отчаянно. Обещаниям Эодрейда, что из крепости выпустят всех сложивших оружие, не поверили. И если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, прошли тайными подземными тропами и ударили в спину защитникам крепости, – Хорнбург бы устоял.

После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного Племени; гномы твёрдо держались данных клятв, но задаром свои умения не отдавали. Для них это было оскорблением, и по всему Рохану собирали тогда уцелевшее золото и серебро, зарытое ещё перед вторжением Олмера. Всё пошло в ход, девичьи серёжки и вдовьи кольца, случайно уцелевшие фибулы от плащей, нарядное оружие...

Гномы приняли плату. Их лица были мрачны, но непреклонны. Они взяли золото, но сделали вдвое больше того, на что подражались, за пару лет превратив цитадель Хелма в неприступную твердыню.

Отсюда начался роханский натиск на запад. Обратно, на земли, утраченные в великой войне, когда и самого Рохана-то не стало.

Возвращаем своё, говорил король, и за ним повторяли все, от Маршалов до последних обозников. И за ним шли.

Два года назад войско Эодрейда дошло до Исены, кровью прочертив там закатный рубеж возрождённой Марки, а теперь граница отодвинулась ещё дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано было в грамотах «вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами.

Войско вернулось с победой. Так выкликают глашатаи, так провозглашают королевские указы. И потому сегодня праздник. Полки вернулись!..

Встречать войско вышел, почитай, весь Вестфолд, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки – мужчин забрала война, а мальчишки-подростки несли охранную службу на границах.

Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную – на зелёном ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами – мол, не те яства, что раньше, совсем не те; угнаны стада, вырублены сады, люди едва-едва перестали голодать.

Исенская Дуга унесла цвет роханского воинства. Ховрары разграбили Эдорас, страна лежала в развалинах. Даже Гондору та война обошлась дешевле, чем полностью попавшему под власть чужеземцев Рохану.

Но сегодня армия возвращалась с успехом, роханские полки один за другим входили в крепость, и воины со смутным сердцем глядели на выставленное угощение – они-то знали, чего стоило его собрать.

– Где Холбутла? Скажи мне, скажи, когда он будет! – теребила старшую сестру совсем юная девушка-подросток лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. – Скажи, ну скажи, а?!

– Да зачем тебе? – поджала губы та. – Придумаешь тоже! Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

– Сохнешь? Вот так прямо и сохнешь? – раздалось с разных сторон.

– От глупой слышу! Знаю, Фалда своего ждёшь не дождёшься! Что, самой не терпится?.. – тотчас огрызнулась младшая. – А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

– Ишь какая бойкая! Самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... – послышалось двусмысленное хихиканье. – А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

– Маленького выбирает, да удаленького! – ухмыльнувшись, прошамкал беззубый дед. Спина у него изрядно согнулась, а вот многочисленные шрамы на лице заработаны были явно не в молодости – как и почти все мужчины Рохана, он стоял в своё время на Исенской Дуге. – Он у короля Эдрейда мало не лучший!

– Вот и я говорю, – подхватила какая-то женщина, – Эовин у нас всё о героях мечтает!

Кругом стоял хохот, но смутить девушку оказалось не так-то просто.

– О ком хочу, о том и мечтаю, и разрешенья спрашивать не стану! – сердито выпалила она, откидывая назад тяжёлую косу. – А мастер Холбутла и вправду герой, то все знают! Он и на Исенской Дуге отличился, и в Эдорас первым ворвался!

– Ворвался, ворвался, – кивнул согбенный старик. – Непомерной храбрости, что и говорить! Откуда только берётся?.. Глянешь – вроде одним взмахом зашибить можно! Ан не тут-то и было...

– А ещё говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, своё волшебство имеется, – затараторила женщина. – Говорят, исчезать они могут, а ещё и такое заклятье знают, что стрелы у них всегда в цель летят!

– Будет языком-то молоть! – неодобрительно покачал головой дед. – Тоже выдумала – волшебство! Разговоры такие пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто стрелу не бросит, так то не чудо, а умение!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала – вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые ворота Хорнбурга бравым шагом входил полк пеших лучников. Люди зашептались – глашатаи кричали о победе, но, видать, далась она дорогой ценой, стрелков осталось лишь около четырёх сотен из начальных семи. Шли они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами – словно бы и сейчас готов был к бою. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам – кинжал, лишь более широкий и толстый. За спиной – колчан и странный, белого цвета лук. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора – знаменитый лук мастера Холбутлы, из которого он, по слухам, попадал в брошенную высоко вверх монету или пробивал глаз летящей вдалеке птице.

За командиром двигались шеренги воинов – по шести в ряд. Полк снискал большую славу: 16 мая, в первом большом бою с ополчением хеггов, обитателей энедвейтских побережий, его стрелки мигом расстроили и обратили в бегство едва выстроившуюся вражью пехоту; а на следующий день не дали защитникам Тарбада даже появиться меж зубцов высоких стен,

и армия Рохана с налёту взяла крепость, важнейший южный оплот угнездившихся в Арноре истерлингов. Воздух наполнила колючая свистящая туча, и всякий, кто смел высунуться из бойницы, тут же оказывался утыкан светлыми деревянными древками. Казалось невозможным, что смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но мастер Холбутла не даром ел свой хлеб и гонял новобранцев до седьмого пота.

Несколько дней спустя, в тяжёлой Тарбадской битве, когда с севера подоспели истерлинговые подкрепления вкупе с хазгами и ополчениями Минхириата, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк мастера Холбутлы упёрся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег вражьей коннице, и продержался до тех пор, пока не подоспел хирд Дори Славного. Полк стоял по колено в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, утыканный длинными серооперёнными стрелами. В Рохане умели помнить доблесть – так же, как и трусость.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости.

Да, гномы взяли высокую цену, но потрудились они не зря. Старая стена, перегораживавшая устье ущелья, прибавила в высоте самое меньшее три сажени. Появились крытые парапеты, боевые балконы с навесными бойницами, выдающиеся вперёд острые каменные клинья, назначенные рассекать толпу атакующих.

Обновились, поднялись и стены замка. Долинный ручей, тот самый, куда урук-хаи Сарумана когда-то забросили колдовской огонь, разнёсший половину укреплений, гномы отвели в каменную трубу, чтобы при осаде защитники всегда имели бы вдоволь свежей воды, и чтобы никакие дыры, даже забранные решётками, не вели бы по другую сторону стен.

А сейчас там, на зелёной траве Хелмского ущелья, толпились те, кто пришёл встретить ратников. Все вопили разом – кто-то надеялся увидеть в строю родное лицо, выкликая по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и голосили дети.

– Мастер Холбутла-а! – подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин – названная в честь знаменитой Эовин конечно же, девы-воительницы, сокрушившей вдвоём с далёким предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пеленнорских полях.

Низенький командир лучников услышал серебряный голосок девушки, повернулся, улыбаясь. Когда-то был он, верно, румян, круглощёк, русоволос; однако теперь со щёк исчез румянец, уступив место коричневатому загару дальних походов, лицо обветрилось. Легли на лоб и левую скулу короткие белые росчерки шрамов, по счастью, неглубоких. Собрались морщинки в уголках глаз, пробивалась в курчавых волосах первая седина, пока ещё редкая и робкая. Взгляд сделался жёстким, пронзающим, а порой и неприятным, из него ушла изрядная доля свойственной невысокликам беззаботной весёлости.

– Привет, привет, спасибо за встречу! – крикнул он в ответ, помахав вдобавок рукой.

– Слышала?! Нет, ты слышала?! Он ответил! Мне ответил! А ты чего несла, мол, даже не посмотрит! – Эовин показала язык надувшейся старшей сестре. – Спорим, я с ним ещё и спляшу – сегодня, после пира!

– Совсем головой повредишься девка, – вздохнула та самая женщина, что утверждала, будто сородичи Холбутлы владеют магией. Однако Эовин её не услышала – ловко, точно ящерка, скользнула прочь сквозь толпу.

За полком лучников маршировала тяжёлая панцирная пехота. Её с большим трудом возродили в Рохане совсем недавно: Вестфолд, чья фаланга каменной плотиной запирала путь бурному половодью ангарцев и истерлингов на Исенской Дуге, лишился в том кошмаре всех до единого бойцов. После того воинов, способных встречать любую атаку несокрушимой стеною щитов, пришлось собирать, что называется, «с бору по сосенке».

Пеший полк был почти втрое многочисленнее стрелков; во главе его лихо вышагивали двое невысоких, но очень широкоплечих воинов, которым в иную дверь боком протискиваться

придётся. Ростом эта пара едва достигала до плеча роханцам, зато руки толщиной и силой могли соперничать с медвежьими лапами.

– Гляди, гляди – гномы! – зашумели в толпе.

– Что, те самые? Рыцари Торин и Строри?

– Разуй глаза, кибитка! Кто ж ещё? Кто у короля полками панцирников командует? Эгей! Гномам преславным – привет!

Один из командиров-гномов на ходу повернулся к крикнувшему.

– И тебе привет тоже! – гаркнул он так, что уши заложило. – Ну как, всё тут у вас готово? Пива наварили?

– Наварили, наварили! – отозвался целый хор голосов. – Будет чем жажду утолить!

– Вот и славно! – заметно оживился второй гном, чуть пониже ростом. – У меня горло совсем пересохло! Если на мою долю меньше полновесной бочки достанется – обижусь смертельно!

И воины, и встречавший люд захохотали.

– Да там и пять бочек на брата будет, и шесть даже! – выкрикнул кто-то.

– О! – Маленький Гном вскинул руку. Латную рукавицу он так и не снял. – А я-то боялся – ну как не хватит?

Последним, по недавней роханской традиции, в крепость въехал король Эодрейд. Победоносного правителя, вернувшего почти все некогда подвластные Эдорасу земли, встретили дружными криками восторга – короля искренне любили, несмотря на суровый нрав.

Миновав ворота, Эодрейд натянул поводья и привстал в стременах.

Доспехи короля покрыты пылью, но конь великолепной белой масти чист, словно горные снега. Развевается за плечами зелёный плащ, трепещет гордо вскинутый прапорец с распластавшимся в вечном беге серебристым жеребцом на изумруде сукна.

Молодой взгляд жёсток и непреклонен. Упёрт в бок крепко сжатый кулак. Король смотрит на уже втянувшееся в Хельмову Падь войско, на собравшийся народ. Глаза сощурены.

И люди притихают под этим взглядом, смолкают приветственные крики, дети уже не носятся с визгом по траве.

– Спасибо вам, люди! – возвысил голос король. Тишина опустилась, сойдя с высоких хребтов. – Спасибо, что ждали! Спасибо, что встретили!

Голос его достигал сейчас самых дальних уголков ущелья, и короля слушали все.

– Мы победили! – прогремел он. – Никто не смог устоять пред доблестью и мужеством рохиррим! Враги позорно бежали! Правый берег Исены наш, мы владеем всеми землями до Адорна и дальше, до самого Речного Излома! Скоро, совсем скоро мы вернём всё, чем владели наши предки, начиная с великого Тенгела Трижды Прославленного! Мы победили, радуйся, Рохан победоносный!..

Эодрейд вскинул сжатый кулак, и толпа вновь взорвалась восторженными кликами.

– Мы победили! – привстав в стременах, вновь выкрикнул король. – И теперь давайте же радоваться! Пусть сегодня здесь будет настоящий праздник!

Праздник. Рекой польётся пиво, вспыхнут костры. Заиграют немудрёные инструменты, народ пустится в пляс.

А где-то рядом, в тени тёмных склонов, будут тихо рыдать те, кто не дождался. Они станут плакать негромко, прячась от других, ибо недостойно дочерям Рохана лить напоказ слёзы по тем, кто пал за родину.

Ибо сегодня праздник.

...Торжество удалось на славу. У костров плясали все – простые конники и начальники полков, конюшенные мальчишки и сам король. Маршалы Марки опрокидывали кружки пенного эля вместе со своими бойцами; юные сын и дочь Эодрейда тоже были здесь, среди рох-

иррим. Правитель Рохана, хлебнувший лиха в страшную осень 23-го, не чурался незнатного люда – и, кстати говоря, никогда не употреблял слов «чернь» или «простонародье»...

...Летнее небо щедро вызвездилось над Хелмским ущельем, небесный свод ласково глядел вниз, на смертные земли; в этот час король Эодрейд собрал ближний круг своих военачальников в высокой башне Хорнбурга, в том самом покое, где некогда стоял, взирая на кипящее внизу сражение, сам великий король Теоден.

Стол накрыли всего на десятерых – только король и его Маршалы, начальники отдельных полков. Их осталось немного – нынешняя армия Рохана не в пример меньше той, что насмерть стояла на Андуине и Исене.

И помимо высокородных рохиррим, к королевскому столу собирались сейчас и трое наших друзей.

– Эй, Малыш, сколько можно копать?! – Торин уже стоял у двери, нетерпеливо притопывая. – Опаздываем, словно стряпуха Гонория к королю Бейнору! Невместно нам позже всех являться! Девчонка ты, что ли, перед зеркалом вертеться? Лучший наряд воина – его доспех, а не шелка с бархатами!

– Позже всех являться неместно, но и с капустой в браде к королю вваливаться – неместно такожде! – Маленький Гном невозмутимо расчёсывал главное украшение любого истинного гнома – бороду. У Малыша она была рыжей, что означало благоволение Великого Дьюрина, ибо таков же цвет огня подземных топок, но притом вечно взлохмаченной и клочковатой, что, напротив, служило недобрым знаком, суля беспорядок в работе.

Бедолага Стори поэтому тратил уйму времени, пытаясь посредством гребня привести браду в надлежащий, по его мнению, вид.

– Оставь его, Торин, – хоббит пытался заколоть нарядный плащ хитрого вида фибулой с замысловато свернувшимся на ней бронзовым зверем. Король Эодрейд был щедр и своих одаривал, не скупясь, особенно одеяниями – пусть Эдорас и Медьюселд, Золотой Зал королей Рохана, будут вновь ярки и праздничны!..

От подарков правителя не откажешься, приходилось носить. Эодрейд не терпел оправданий убогости «военным лихолетьем».

– Мы успеем, – продолжал Фолко, одолев, наконец, в упорном поединке фибулу. – Впрочем, кто из Маршалов нами недоволен, тот так недовольным и останется, явись мы хоть первыми, хоть последними.

Торин только фыркнул в бороду.

Время, когда друзья робко заглядывали в обиталища сильных мира сего, сгнуло безвозвратно. Они сами сделались сильными; теперь не они искали службы, но служба искала их.

В том числе и служба недавним врагам.

В 1726 году орочья орда, невесть как забредшая так далеко на закат, – скорее всего, остатки гундабадских кланов, – ворвалась в Хоббитанию с юго-востока, откуда орков ну никак нельзя было ожидать. На беду находников, самому Фолко и его спутникам-гномам именно тогда случилось оказаться в Забрендии; быстро собравшееся ополчение невысокликов испытанным уже способом повисло на плечах быстро продвигавшихся орков, заманивая их в засады, осыпая стрелами чуть ли не из-за каждого пня.

А когда орда развернулась, не выдержав отпора, в спину им вдобавок ударил отряд самых отчаянных сородичей Фолко во главе с ним самим и гномами.

Разгром был полный.

Вскоре после этого к восточной границе Хоббитании, к месту, назначенному для переговоров с хоббитами ещё королём Элессаром, явился посланник от правителя истерлингов, захвативших Арнор и устроивших там собственное королевство.

Правитель этот, Терлинг, как звали его арнорцы, оказался умён и дальновиден. Он негодовал, что оказались нарушены мудрые указы Великого Короля, от которого, как уверял, не моргнув глазом, истерлинг, идёт и его собственный род.

Новый хозяин Аннуминаса заявил, что вновь и вновь подтверждает эти указы. Арнорские писцы, пошедшие на службу к новым хозяевам, развернули перед хоббитами внушительного вида свитки, украшенные многоцветными печатями – неприкосновенность земли народа половинчиков объявлялась полной и всеобщей.

Гномам же и Фолко посланник Терлинга предложил службу. Предложил именем короля – так, словно это было самым обычным делом.

– Моему королю служат многие и из разных земель, – ровно говорил он, пристально глядя на неразлучную троицу. – И далеко не одни лишь истерлинги. Арнор будет домом для всех, кто станет верно служить его короне, в каком бы племени он ни был рождён. Хватает полков, где вас встретят с почётом. Кто с кем успел скрестить мечи – неважно. Было и прошло. Зато теперь вы сможете добыть себе ещё большей славы, мы же, в свою очередь, не пожалеем золота!..

...Им стоило немалых трудов отказаться так, чтобы не вызвать гнев хитрого и подозрительного истерлинга.

И потом история повторялась.

Правитель беорнингов предлагал лучшие лены в своих владениях, если Фолко и гномы согласятся стать военачальниками в лесном королевстве.

Этчелион, герцог захваченного восточными племенами и харадримами Итилиена, едва не посадил всю троицу под замок, узнав, что они намереваются оставить его отряд.

Друзья привыкли. Не сосчитать, сколько раз они вступали в армии Рохана, Гондора или Беорнингов, но после победы всякий раз уходили. Почести – почестями, но оседать, обзаводиться «домом» – нет, это не для них. Эодрейд понял их первым и не навязывал друзьям свою волю. Наверное, потому Фолко, Торин и Малыш чаще всего оказывались именно в рядах роханского войска; а может, оттого что владыка Эдораса настойчивее других сражался за то, чтобы мир, до неузнаваемости преображённый Олмеровым нашествием, хоть немного бы стал походить на прежний.

Нынешнее войско Рохана не составляло и трети того, что насмерть стояло на Андуине с Исеной. Собрали кровавую дань и тяжкий зимний переход через Мглистый, и последующие годы войны – уже восемь лет прошло с тех пор, как, перезимовав в долине Андуина, армия Эодрейда ворвалась в Рохан, довольно быстро отбив Эдорас и освободив осаждённые ховрамами горные убежища.

Однако мир так и не настал. С самого восстановления Роханской марки, провозглашённого 28 апреля 1724 года по летоисчислению Хоббитании, война на границах не утихала ни на один день. Пожар её то разгорался, то вновь приугасал – но так и не исчез.

Бывшего «хоббита не от мира сего», книжного червя, изобретавшего тысячу и один способ отвертеться от прополки, румяного и круглощёкого, сейчас едва бы узнала собственная семья. Ему исполнялось тридцать восемь – для народа половинчиков лишь самое начало зрелости.

Тридцать восемь, всего ничего, старый Бильбо Бэггинс только посмеялся бы, на юнца глядячи, – мальчишка, мол, какие тебе ещё там приключения!.. – но сейчас никто из сородичей не дал бы Фолко меньше пятидесяти.

Война берёт своё, даже если тебя невредимым выводят из битв и стычек мифрильные доспехи и собственное боевое умение. Да, ты привык спать, укрываясь в лучшем случае собственным плащом или вовсе одним небом; привык, не мигая, брать прицел и не задумываться, заслуживает или нет смерти тот, в кого миг спустя вонзится твоя стрела. Ты привык отдавать приказы, отправлять людей в бой, зачастую – на смерть, и хладнокровно выслушивать донесения о потерях.

Он стал поистине «мастером Холбутлой». Фолко, сын Хэмфаста, хоббит из почтеннейшей и уважаемой всеми семьи, казалось, уснул надолго, если не навсегда.

Неизменными оставались для него другие вещи: мифрильный доспех, например, или гундабадский трофей Короля-без-Королевства, клинок Отрины, чьё лезвие навек украшено невянущими голубыми цветами.

Фолко не расставался с оружием ни днём, ни ночью; за десять лет истёрлись и износились кожаные ремешки, их заменили выкованные Малышом тонкие, но очень прочные цепочки.

Гномы, несмотря на все передраги и перипетии, изменились мало, человеческий глаз и вовсе не заметил бы разницы. Подгорное Племя отличается долголетием, два с половиной века для них – тот возраст, когда ещё выходят на бранное поле, стоят в хирде и крепко держат топор.

А Фолко сильно изменился уже тогда, когда судьба вывела его на стены Серой Гавани. Десять последующих лет набирался опыта, поднимаясь всё выше в тех армиях, куда посылала его судьба. Он не стал наёмником, солдатом удачи – нет, он воевал за то, чтобы Запад вновь стал бы прежним. В Рохане это почти удалось сделать, и Гондор уже восемь лет как вернул себе Минас-Тирит; дело теперь за Арнором, и Фолко верил, что придёт день, когда над башнями Аннуминаса вновь взвьётся бело-синее знамя – знамя, под которым он впервые пошёл в бой.

Хоббит понимал, что сгоревший в пламени Олмерова вторжения мир изменился необратимо – исчезли Гавани, пал Кэрдан Корабел, – но не воевать за то, чтобы вернуть к жизни хотя бы призрак кажущегося сейчас таким прекрасным прошлого, он не мог.

...На поздний ужин к Эодрейду они явились вовремя, при полном параде, при мечех и топорах, в лучших одеждах – только без доспехов. Мифриловые кольчуги и всё прочее Малыш самолично запер пятью замками, не доверяя никому. А открыть замки, сработанные Маленьким Гномом, можно было, лишь разнеся в щепки саму дверь.

Маршалы Марки собрались в празднично разубранном покое, и сами тоже облачились в лучшее. Золотое и серебряное шитьё вило по зелёному сукну плащей; у поясов красовались парадные ножны, изукрашенные самоцветами и филигранью, – такие в сражение не берут. Хоббит и гномы успели не первыми и не последними, а как и хотели, в серединке.

Хама, самый молодой из Маршалов Марки, кивнул им, широко улыбаясь и скидывая руку для приветствия. Те, кто постарше, ограничились суховатыми формальными словами. Хоббит мысленно закатил глаза – старые предрассудки умирали тяжело и неохотно, несмотря на все битвы, где они с Торином и Малышом сражались бок о бок с этими же самыми Маршалами.

Мажордом вышел на середину покоя, молча и низко поклонился, стукнул резным посохом в пол – знак благородным гостям садиться. Порядок был уже затвержён.

Во главе длинного стола, крытого белой льняной скатертью (короли Рохана позаимствовали этот обычай в утончённом Гондоре), стояло королевское кресло, настоящий трон, с искусно вырезанным гербом на высокой спинке: белый конь, распластавшийся в стремительной скачке, на смарагдовом поле.

Сам же стол, увы, подкачал – к немалому огорчению Малыша, на нём сиротливо ютились лишь несколько блюд с лёгкой закуской. Пива не было совсем, вместо него стояли тёмные бутылки старого гондорского, явно ещё довоенной закладки. Довоенной – значит, до вторжения Олмера, которое и считалось настоящей войной, в отличие от бесчисленных походов и сражений, что последовали за гибелью Короля-без-Королевства. Время оказалось разрезанным надвое – до войны и после. Нечего и говорить, что теперь времена «до войны» почитались истинным Золотым Веком.

Маршалы рассаживались – без спешки, соблюдая достоинство. Их оставалось теперь только шестеро.

Шестеро, подумал Фолко, глядя на пустующие вычурные кресла, похожие на королевские, только поуже и пониже, и тоже с гербами – кресла нобилей, павших в великой войне, предводителей роханских эоредов, конных отрядов. Из всех, кому случалось пировать в высоких залах Эдораса до битвы на Андуйне и до Исенской Дуги, остался только один – старый Эркенбранд Вестфольдинг, прямой потомок того самого Эркенбранда, что сражался с ратями Сарумана в дни Войны за Кольцо.

Место напротив седого воителя пустовало, а дальше должно было сидеть Брего, Третьему Маршалу Марки и командиру всех конных сотен. По давней традиции, титул Первого Маршала носил сам король; Вторым Маршалом становился его старший сын, но дети Эодрейда были ещё малы, и правитель Рохана в знак уважения к старику Эркенбранду, последнему из отцовских сподвижников, оставил прозвание Второго Маршала за ним, равно как и привилегию «восседать одесную короля и ближе всех остальных».

Третьего маршала видно не было.

Ещё дальше – по старшинству – полагалось сидеть остальным. Фрека, Четвёртый Маршал, Сеорл, Пятый. Молодой Хама, Шестой. Теомунд, Седьмой.

И дальше всех от владыки Эдораса, ниже остальных его Маршалов, скромно устроились наши друзья: хоббит Фолко, сын Хэмфаста, более известный в Рохане как мастер Холбутла; гномы Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, по прозвищу Маленький Гном.

За столом поместилось бы четырнадцать человек, по шесть справа и слева, и ещё двое – в торцах. Король сидел в головах, напротив него – место старшего сына; остальные расселись по сторонам. Маршалов Марки осталось шестеро, и четыре кресла пустовали.

Никто не прикасался к расставленным блюдам; Маленький Гном скорбно закатывал глаза, ёрзал, покрхтывал, но протянуть руку не решался.

Маршалы молчали, и Фолко не мог понять, что случилось – ведь ещё совсем недавно они радовались вместе с остальным войском, с простыми роханцами, собравшимися в горной твердыне. Из-за их присутствия на торжестве? Да нет, этого не может быть – в походе они отлично ладили и с Фрекой, и с Сеорлом, не говоря уж о молодом Хаме.

Король Эодрейд, однако, не заставил себя долго ждать. Мажордом вновь звучно ударил посохом в пол, на сей раз – трижды, и Маршалы дружно поднялись – двери распахнулись, в покой стремительным шагом входил правитель Рохана.

Встали, само собой, и хоббит с гномами.

Владыка Эодрейд выглядел внушительно. Ему едва минуло сорок лет, и он был в расцвете сил; золотые, как и положено роханскому правителю, волосы ниспадали до плеч, глубокие серые глаза смотрели жёстко и пронзительно. Длинные усы опускались до подбородка – мода, перенятая у восточных племён, хотя в этом никто не хотел признаваться. Шрамы – лучшее украшение мужчины – пересекали лоб и левую щеку. Обычно король одевался подчёркнуто скромно, однако на праздниках роскоши его одежд могли бы позавидовать, наверное, сами короли Нуменора. И мало кто знал, что все эти украшения – золотое шитьё, алмазы, сапфиры, изумруды, бархат и парча – взяты взаймы у гномов, и королеве приходится ночами гнуть спину, вышивая плащи для торжественных выходов подземных правителей... Порой, не кичась короной, ей брался помогать Эодрейд, но об этом знало лишь несколько человек во всем королевстве, и невысоклик Фолко, сын Хэмфаста, был среди них.

– Садитесь, досточтимые, – махнул рукой правитель. – Не надо кланяться, поменьше церемоний, сегодня как-никак праздник. Садись, почтенный Эркенбранд, садитесь, Маршалы, и вы, мастер Холбутла, мастер Торин и мастер Строри. Рад видеть вас всех сегодня тут. Садитесь, угощайтесь. Яства скромны, но не требовать же большего с разорённого Вестфолда. Садитесь, я собрал вас не есть, а говорить.

Слуг нет, подумал хоббит, глядя, как Маршалы, переглянувшись, сами, без виначерпиев, наполняют кубки. Эодрейд отослал всех, кроме старого мажордома, который, всем известно, весьма туг на ухо.

Король поднял кубок.

– За нашу победу. Слава рохиррим, слава нашей доблести!

– Слава! – хором откликнулись гости.

Правитель Рохана пригубил вино, остальные, напротив, отпили на совесть. Старое гондорское теперь не вдруг увидишь, даже на королевском пиру.

С лихим стуком опустились обратно на стол серебряные кубки; серебряные, не золотые, золото ещё не нажито.

– Победа достигнута, – король не сел на трон, вместо этого подошёл к узкому окну-бойнице, держа в руках реликвию своего рода, чашу Тенгела. – И сегодня мы станем говорить о том, как вести войну дальше.

Интерлюдия 1. Воспоминания о будущем

Мглистый хребет, зима 1723–1724 годов

«Он оставил это Кольцо тебе, половинчик. Он знал, что вам нужно от него, и понял сам, в какую угодил ловушку, но было уже поздно».

Эти слова Санделло накрепко врезались в память хоббита. С их последней встречи, когда горбун отдал ему Мертвецкое кольцо, Фолко не находил себе покоя.

«Хочу, чтобы вы взяли то, что должны взять, и отнесли туда, куда должны отнести. Эта вещь не может дольше оставаться в нашем мире».

Он был прав, соратник Олмера. Ни сам Санделло, ни Олвэн, сын Олмера, не стали бороться за власть здесь, на дымящихся развалинах Арнора. Они уходили на восток, «за синие горы, за белый туман», как, наверное, спели бы гномы. Они уходили, оставив ему, Фолко, сыну Хэмфаста, величайшее сокровище и величайшее проклятие Олмера Великого.

... – Куда там идём дальше, в Мордор, верно? Тогда воистину нам не помешает добрый глоток!..

Маленький Гном разливал пиво.

– В Мордор, значит? Плёвое дело, лёгкое дело, – болтал он беззаботно, словно ужаса последних недель и дней и не существовало. – Только припасов, – он окинул взглядом тюки на смиренно стоящих выючных лошадях, – нам, друзья, едва ли до Мглистого хватит. А дальше уже самим выкручиваться придётся.

– Так что же, и впрямь в Мордор, Фолко? – сумрачно спросил Торин, ставя кружку. Он отнюдь не разделял весёлости Маленького Гнома.

Фолко невольно положил руку на сумку-зепь, повешенную ему на пояс Мальшом. Там, внутри, дремало Мертвецкое кольцо... а может, не дремало, а, напротив, терпеливо ждало следующего, кто попытается овладеть волей и силой давно сгинувших Назгулов, в гордыне решив, будто способен сломить вложенное в них самим Сауроном?

Олмер верил, что он победит. Что его человеческая сила превозможет злые чары давным-давно павших духов, сущностей, чуждых по самой своей природе смертным людям. Что род человеческий, наделённый особой, неведомой даже эльфам и гномам свободой, одолеет и такое препятствие.

Не одолел.

«Так хотелось победить человеком...»

Фолко не сомневался, что Санделло сказал чистую правду. Олмер понимал, что происходит, признавал всё, и, зная, что дороги назад уже нет, всё равно шёл в последний бой, ведя за собой, однако, одну лишь нелюдь.

И в этом последнем бою заблаговременно вручённый невысоклику клинок Отрины оборвал жизнь Короля-без-Королевства.

Как же так, думал хоббит, глядя на насупленные брови Торина, сына Дарта, и на распухшую пеной физиономию Строри, как же так – получается, нам приходится выполнять поручения Злого Стрелка даже и после его смерти?

– Мы пойдём в Мордор, – наконец проговорил Фолко.

– Отлично! – ухмыльнулся Мальш, запрокидывая голову. В глотке у него заклокотало, пиво исчезало с пугающей быстротой. – Давно хотел сам поглядеть на эту Роковую Гору, на развалины Барад-Дура... Вблизи поглядеть, я имел в виду.

– Ох, чую, насмотримся так, что тошно станет, – пробурчал Торин. Руки его по-прежнему сжимали топор, насаженный на топорнице, вырезанное из подаренного Олмером на Сиранноне посоха. Оружие прошло с гномом бесчисленные схватки и ни разу не подвело.

– Будет тебе, будет, – беззаботно откликнулся Малыш, вновь наполняя дарёную Санделло чарку. – Всё, одно дело кончилось, так ли, иначе, но кончилось. Кой-что удалось, кой-что нет. Чего теперь брови-то ломаешь, Торин? Фолко что сказал – в Мордор? Значит, в Мордор! Чай, полегче будет, чем на Исене-то стоять, иль в Серой Гавани отмахиваться. Как пойдём-то? Зелёным трактом, через юг?

– Удумал, – фыркнул Торин. – Там война прокатилась, пустыня теперь, а где не пустыня, там нас за каждым поворотом стрела ждать станет. В нас-то, может, и не попадут, а ежели что, так мифрил спасёт, а если в коней? Нет, не хочу я на юг. Вместо Рохана... – он осёкся и только махнул рукой.

– На восток надо, – тихо сказал Фолко. – Старой дорогой. Как Бильбо хаживал. Там-то точно никого нет.

– Кроме роханцев, – ввернул Маленький Гном. – Туда уходить должны были, если кто сумел.

Фолко кивнул.

– Найдём их – хорошо. Не найдём – доберёмся до андуинской долины. Там Беорнинги, их владения войной не затронуты.

– Зимой через перевалы? – усомнился Торин.

– Пройдём, – отозвался Фолко. И вновь повторил, с внезапно прорезавшейся горячностью: – Должны пройти!

– Скоро сказка сказывается...

– Прoberёмся! – махнул рукой Малыш. – Никого в тех местах не осталось, некому вьюги насыпать, перевалы от нас запирают. Карадрас не повторится! Да и гоблинов там, мню, теперь не встретишь.

– Хорошо, когда в чём-то так уверен...

– Уверен, Торин, уверен! Пробьёмся! Без спешки, без суеты – пробьёмся! Хаживали гномы через Мглистый этим путём и зимой, хаживали, сам знаешь!

Сын Дарта отвернулся.

– А может, никуда и не уходить?.. – проговорил он медленно.

– Это как? – вскинулись разом и Фолко, и Малыш.

– Арнора больше нет, но и Олмера тоже. Если кто и победил, так это истерлинги, им все здешние края достались. Так что же, смириться? Голову в плечи втянуть и глядеть, как они Арнор под себя подминают?

– У нас дело есть, – Малыш невозмутимо встряхнул кувшин, убедился, что пиво там ещё осталось, и деловито наполнил чарку.

– Дело делом, – Торин встал, повернулся спиной к костерку, заложил руки за спину. – А война – войной.

– Война кончилась, – заметил Маленький Гном.

– Кончилась? Кончилась?! – зарычал вдруг Торин. – Ничего она не кончилась! Как она кончиться-то могла?! Думай, что несёшь, Стори! Арнор под истерлингами! Гондор под харадримами! Рохан под ховрарами – под ховрарами, которых только ленивый не бил! А они – в Эдорасе! На могилах королей Рохана скот пасут!

– И что? – хладнокровно скрестил руки на груди Малыш. – Это война. Так бывает. Но втроём мы десятитысячное войско не одолеем, брат-гном.

– Не одолеем, – угрюмо признал Торин. – Но... Олмера ты, Фолко, уже сразил... посреди небывалой битвы, в хаосе, в огне – сразил. И империи его уже не будет.

– Будет истерлингская, – пожал плечами Маленький Гном.

– Обычная. Человеческая. А не... – Торин кивком указал на сумку-зепь хоббита, где замерло вручённое горбуном Мертвецкое кольцо. – Не эта.

– Знаешь, брат-гном, – задумчиво сказал Малыш, приканчивая пиво, – нам с тобой сейчас – идти за Фолко. Как Гимли, сын Глоина, шёл за Фродо. У Фолко Кольцо, не у тебя и не у меня. Так что не ворчи, не дуйся. А война... война, брат, от нас никуда не уйдёт.

* * *

Мглистый хребет принял их, впустил в себя, повёл извилистыми горными тропами. Позади осталась мёртвая, обезлюдившая страна, страна, из которой словно выпустили кровь. Даже в годы расцвета Арнора местность в предгорьях Мглистого не изобиловала жильём. Цепочка поселений тянулась вдоль тракта, но сейчас там остались одни уголья. Кто-то старательно сжёг все постоянные дворы, корчмы и таверны, растаскал в разные стороны обугленные брёвна, выбил двери погребов, вывезя всё до последней картофелины.

– Рохан, – вдруг сказал Малыш, указывая на оставшуюся торчать в чудом уцелевшем столбе стреле.

Кроме этого столба от некогда обширного постоянного двора и станции королевской конной эстафеты не осталось ничего, один лишь грязный истоптанный снег, словно само небо не желало покрывать случившееся здесь белой пеленой забвения.

– Рохан... – откликнулся Фолко.

Всю долгую дорогу через павший Арнор он говорил мало, а гномы, понимая, не донимали его расспросами. Сказал – в Мордор, значит, в Мордор.

Хоббит вспоминал, почти всё время их одинокого пути. Вспоминал собственные ощущения в тот миг, когда клинок Отрины поразил Короля-без-Королевства, и всё, что случилось сразу после этого. Великие силы Арды на исчезающе краткое время пришли в движение, словно наконец-то обратили внимание на несчастное Средиземье.

Пал Радагаст. Пал Наугрим. Пал Кирдэн Корабел. Убит в бою король Гондора. Не окажут помощи Синие Маги, когда-то посланные Валар в Средиземье. Затаился в далёких лесах Золотой Дракон, да и не станет он помогать...

Да, конечно, оставался принц Форвё и эльфы-Авари. Оставалось Срединное Княжество.

И оставались они трое. Да, и ещё Эодрейд со своим уменьшившимся, но не сломленным войском. Роханцев не смог вышибить из седла даже кровавый кошмар Исенской Дуги. Однако – ожесточил.

И вот, пожалуйста – обугленные венцы некогда большого двора и роханская стрела, намертво засевшая в столбе, торчащем, словно палец трупа.

– Здесь прошёл Эодрейд. – Торин распрямылся, держа в руках лохмотья, в которые обратился некогда зелёный плащ. Правда, уцелела серебряная фибула, с обычным для рохиррим изображением конской головы.

– Нам это на руку, – немедленно заявил Малыш. – Снег на перевале могли утоптать.

– Хотел бы я верить, что они сожгли уже пустую усадьбу, чтобы не досталась врагу. – Торин разжал пальцы, обрывки ткани вместе с фибулой упали обратно в снег.

Фолко молчал.

Великие силы, пресветлые Валар, могущественный майа Олорин, мудрейший из мудрых... А кончается всё равно спалёнными домами, вывезенными запасами, и уже неважно, кто и во имя чего грабит.

Жить хотят все.

– Надеюсь, – повторил Торин, – что хозяева ушли вместе с роханцами...

Надейся, брат гном, подумал Фолко. Мысль остро царапала сердце, вонзала в него раскалённые иглы.

– Идём. Успеем засветло дойти до седловины.

* * *

Никого и ничего живого не осталось в Мглистых горах. Сгинули гоблины; покинули свои вершины могучие орлы. Продрались, протиснулись сквозь скалистые ущелья уцелевшие конные сотни Рохана. Переход обошёлся им дорого – Фолко и гномам постоянно попадались трупы людей и коней. Сомнений, кто здесь прошёл, давно уже не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.